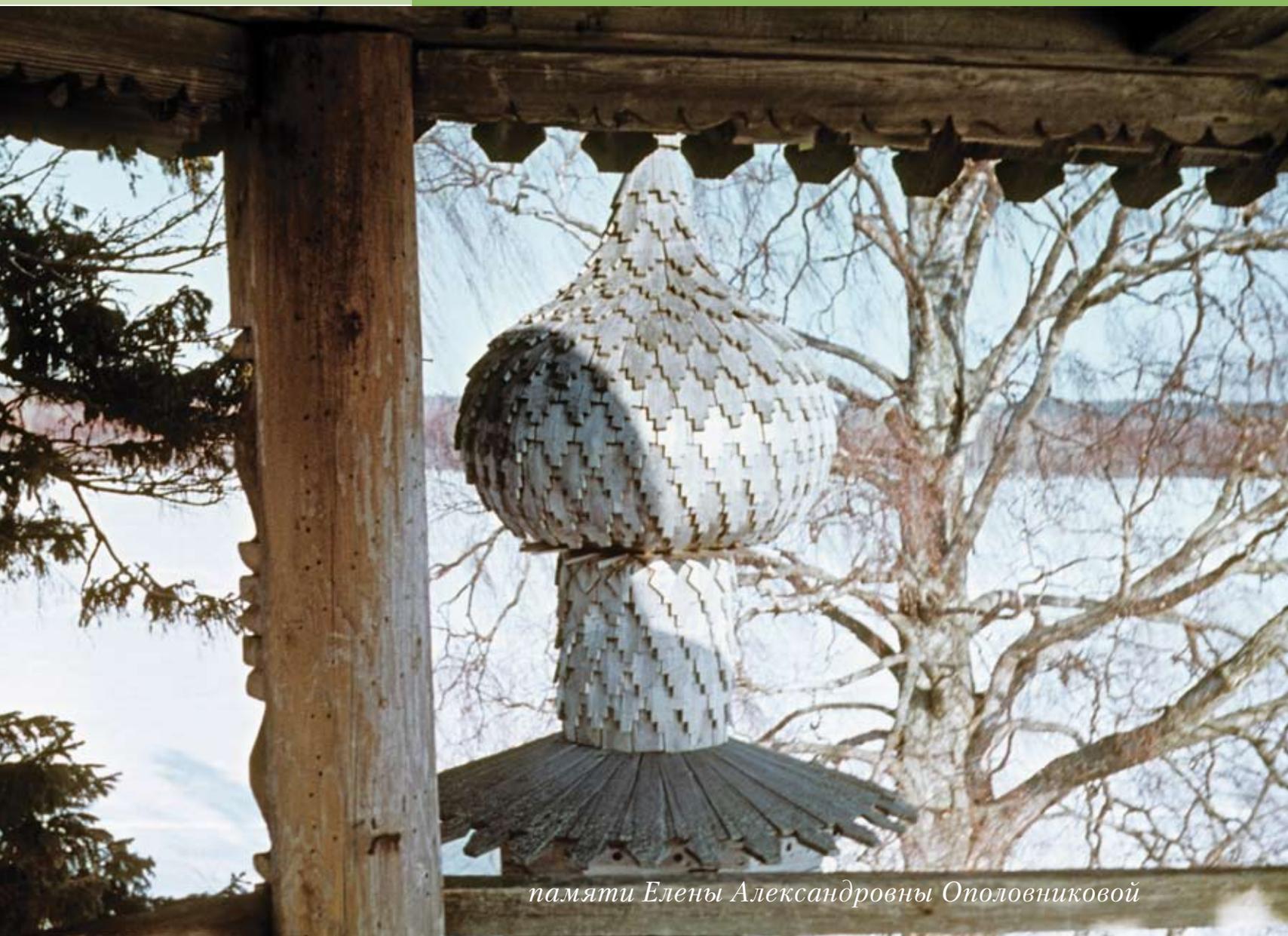

М.Н. Гулари

ИЗБА УРОКИ РЕМЕСЛА

традиции деревянного зодчества
как профессиональный опыт архитектора

памяти Елены Александровны Ополовниковой

RUSSIAN IZBA: THE LESSONS OF WORKMANSHIP

M.N. Gurary

Наблюдения и размышления архитектора-практика, специализирующегося на строительстве из древесины, сложились в анализ традиционной избы Русского Севера в сравнении с жилищем, проектируемым для XXI века. Рассматриваются общая структура дома, функции и связь частей – избы, сеней, клетки, защита от холода, естественная освещенность, эстетический и сакральный характер жилой сферы, фасадов и деталей, особенности накопления мастерства, социокультурный потенциал. Профессиональный опыт творцов избы полезен для совершенствования современного жилища.

Ключевые слова: Деревянное зодчество Русского Севера, изба, структура традиционного дома, эстетика жилой сферы, сакральный характер жилой сферы, традиционный декор, профессиональный опыт «древделов», современное жилище

Based on the observations and the reflection of an architect practicing in wooden construction, the article analyses the architecture of ancient Russian wooden houses in comparison with modern house designs intended for use in 21st century. The author focuses on the general structure of the house, the functions of its different components – izba, seni, klet' and their interrelation, and also reviews such aspects as cold protection, natural lighting quality, as well as the aesthetic and sacral properties of the habitat composition, facades and their components. The article touches upon the specific way of accumulating mastery and the sociocultural potential of the ancient Russian art of wooden building. The professional skills and workmanship of Russian izba-makers are still useful today to enhance the progress of modern house architecture.

Key words: architecture of the Russian North, art of wooden building, northern izba, traditional house structure, aesthetics of the habitat, sacral properties of the habitat, traditional decoration, modern dwelling, wood-makers' professional skills

«Пальнем-ка пулей в Святую Русь – в кондовую,* в избяную...»

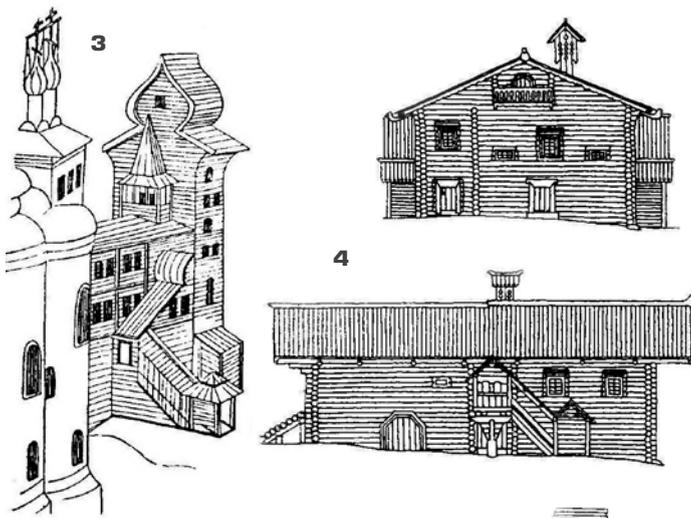
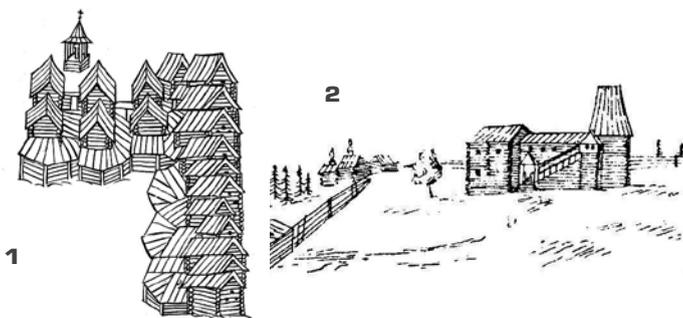
А.БЛОК «Двенадцать»

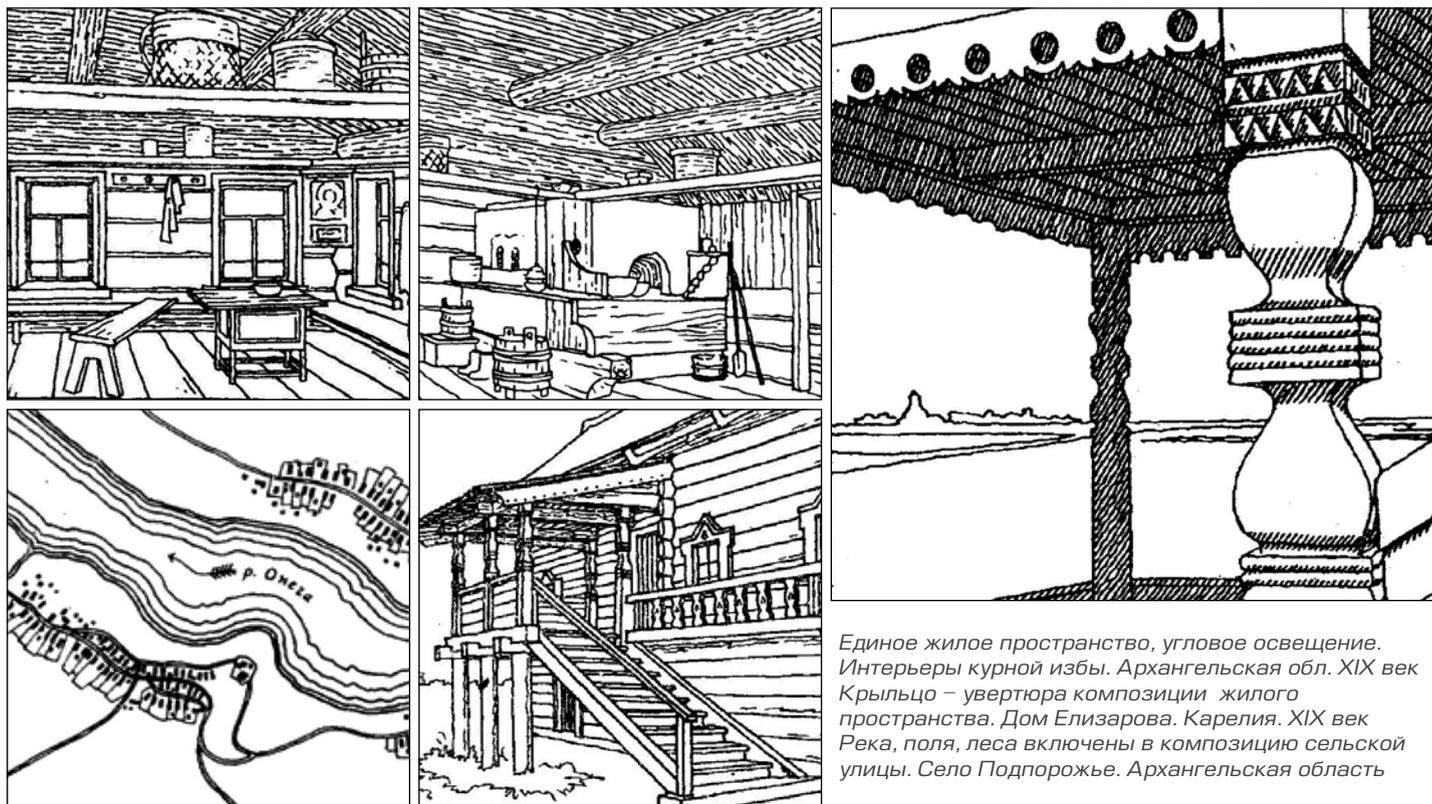
*конда – твердая плотная мелкослойная сосна (по толковому словарю В.И.Даля 1863). Конда медленно созревает (до 300 лет) в сухих борах на возвышенных местах. Лучший материал для деревянного строительства.

Не одно столетие строят на Руси деревянные дома. К XXI веку обзавелись они множеством технических новинок, от стекол в оконных блоках вместо слюды до тарелки космической связи вместо флюгера на крыше. Благодаря чему резко возросло так называемое качество жизни в сельском жилище. А каковы успехи архитектурной профессии в этом процессе, можно ли их сравнить, скажем, с эффектом вторжения в наше жилище электроэнергии, телефона, компьютера? Отвечает ли сегодня архитектура деревянного дома не то чтобы на вызовы времени, а на простейшие требования удобного проживания и хозяйствования сельской семьи? Еще в сороковые годы Андрей Буров писал: «...мы, архитекторы, не сумели по существу создать самое главное – архитектуру жилища... Из дома вырос погост в Кижях, а не наоборот. С жилища начинается архитектура...[1]»

За последние годы появилось немало разнообразных деревянных построек: храмы и павильоны, дачи и жилые дома. Но в решении проблем сельского жилья сравнимы ли они с архитектурными произведениями древней Руси, «кондовой, избяной», как выразился знаменитый поэт в своей революционной поэме? Так ли уж примитивны эти «кондовые» избы, что представляют ныне лишь туристско-этнографический интерес? Вообще-то «конда» по Владимиру Ивановичу Далю – «боровая (не болотная) сосна, крепкая, мелкослойная и смолистая, растущая на сухом месте... кондовый [2]... (о лесе) – крепкий, плотный и здоровый...(вообще) превосходный, первой руки» [3]. Иными словами, кондовые дома – это добротные, «первой руки» постройки из наилучшего для строительства вида сосны. Попробуем рассмотреть качество этих зданий, и не только по части всю используемой резьбы, но и профессионально – по решениям архитектурно-планировочным. Что можно было бы применить из этого многовекового опыта по самой сути? Возьмем для примера усредненный тип избы Русского Севера, где в силу ряда исторических причин наиболее сохранились традиции народного зодчества.

1. Тихвинский посад. Фрагмент плана. XVII век
2. Хоромы в Никольском. Московская обл. XVII век
3. Хоромы Строгановых в Сольвычегодске. XVI век
4. Дом – трехчастный комплекс. XVIII век. Вологодская обл.

Единое жилое пространство, угловое освещение. Интерьеры курной избы. Архангельская обл. XIX век
Крыльцо – увертюра композиции жилого пространства. Дом Елизарова. Карелия. XIX век
Река, поля, леса включены в композицию сельской улицы. Село Подпорожье. Архангельская область

... Деревянный дом с древнейших времен состоял из трех частей. «А во дворе хором: изба, да клеть, да сени», – отмечают переписные книги XVI века [4]. Изба служила для зимнего жилья, в клети хранили вещи, а сени связывали все части дома и двор. При этом каждая часть была многофункциональной. На Печоре, к примеру, в сенях летом спали, а по случаю устраивали пиры да свадьбы. Их делали просторными и парадными. В свадебном причитании пели:

Станем мы да в новы сени
В новы сени да во холодные
На гладкие полы да на еловые
На часты мелки да перекладинки
Мы отворим двери да на пяту...,

то есть распахнем их настезь. «Красные» «косячатые» окна (т.е. красивые, большие, обрамленные косяками) впервые появились в сенях, их превращали в летнюю галерею, это было признаком зажиточности хозяев.

Построены терема высокие
Просечены окна косячатые
И поставлены колоды белодубовы [5]

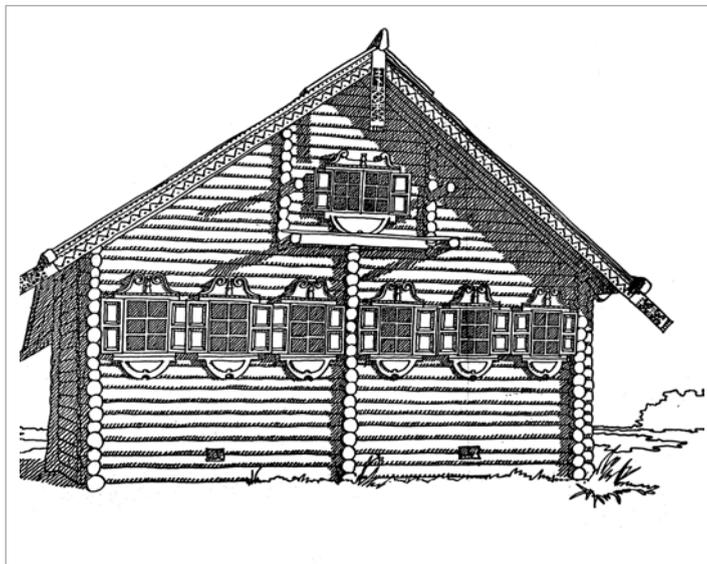
В клети устраивали жилую горницу. Даже обширную поветь над двором пинежцы использовали не только для запасов корма, там устраивали посиделки, водили хороводы. И там тоже в теплое время играли свадьбы. Прямо на поветь по взвозу заезжал поезд с женихом.

Части дома представляли собой самостоятельные архитектурные образования по назначению и объемному решению. Летнюю клеть, к примеру, в древних хоромах рубили в виде высокой, в несколько ярусов,

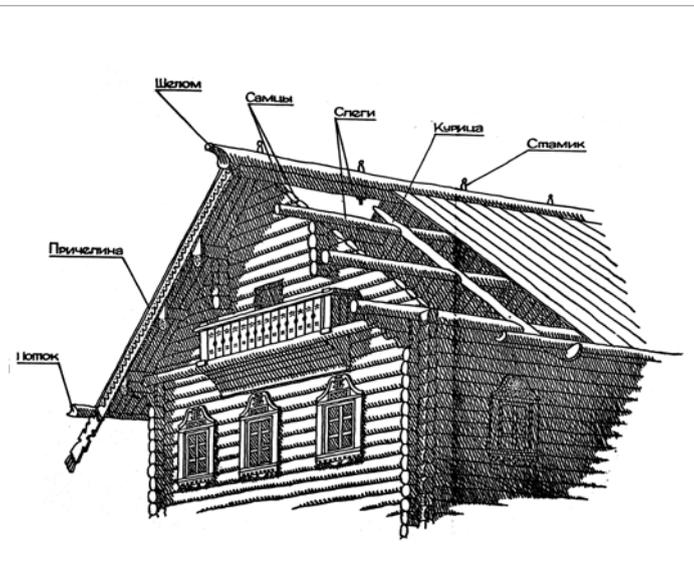
башенки-повалуши, в контрасте с более низкой избой и сенями. При таком разнесении функций, универсализации, подвижности назначения можно было снимать постоянную нагрузку с сравнительно небольшого отапливаемого объема, использовать остальные части дома как резерв для жилья. Василий Белов в очерках о крестьянском быте рассказывает, с каким нетерпением к концу зимы ожидала его семья переезда из зимней избы в просторные летние помещения [6].

Сени удобно соединяли дом с двором и холодными подсобными помещениями, которые пристраивали со стороны преобладающих ветров. Большой объем сеней надежно защищал от холода отапливаемую часть и сам вход в избу, «в тепло». В Заонежье, в Типиницах стоят дома с сенями в двух уровнях, с лестницей и зимним входом в жилье на верхнем уровне. Такое решение значительно усиливает защиту от проникновения в избу холодного воздуха, он остается в нижней части сеней. И печь ставили у самого входа, создавая тепловой заслон. Компактный объем отапливаемого жилья, эффективная защита входа – так же решены прибалтийские риги, карпатские хаты, жилые постройки кавказских народов, – повсюду, где человек использовал огонь.

Не устарели такие приемы и сегодня. А что предлагает сельскому жителю современный архитектор? На входе в дом тесный тамбур площадью до 0,8 кв. метров, или вообще отсутствие его (при рекомендуемой когда-то нормами, выработанными на большом опыте сельского строительства, глубине тамбура минимум 1,2 м) – это в конкурсных проектах «энергоэффективного

Дом Сергеева. XIX век. Карелия

Конструкция безвзвездной крыши (по В.Орфинскому)

дома XXI века», отмеченных жюри [7]. Тепловой контур помещений дома – победителя конкурса изрезан, а форма крыши предполагает бесконечную борьбу с снежными мешками. Число углов, балконных дверей, ориентация входов и окон не ограничены никакими требованиями. При таких архитектурно-планировочных решениях нет никакого смысла тратиться на усиленную теплоизоляцию стен, хотя проблемы с топливом именно в XXI веке стали глобальными.

...Интерьер избы прост, ничего лишнего: широкие лавки вдоль бревенчатых стен, над окнами, на высоте протянутой руки полки – надлаводницы, обеденный стол в красном углу и, наконец, огромная печь – домашний очаг, источник тепла и уюта. Деление на комнаты не практиковалось, лишь у печи, ближе к входу обособилась хозяйственная зона, иногда отделяемая невысокой перегородкой («шомнуша» или «бабий кут»). Дети обычно спали в закуте за печкой, подрастающим отводили отдельную горницу, светелку – «вышку». Вечером всей семье хватало места в этом общем жилом пространстве. Сезонная заготовка продуктов, зимние рукоделия и промыслы, посиделки, праздники – все проходило здесь, все было взаимосвязано, освящено ритуалом. В круговороте жизненных дел воспитывалось новое поколение – в наблюдении, в игре, а позже и в помощи. «Осенние грусти и радости» [8] – живописная зарисовка Виктора Астафьева, где рассказывается о волнениях сибирского мальчишки в ожидании осенней заготовки капусты. Вот кадушки выпарены, приготовлены, в избу собираются женщины со всей деревни, с песнями и прибаутками начинают рубить кочаны. Тут же крутятся ребяташки, старшим доверяют помогать. Из дома в дом переходит эстафета этого праздника осени, и запоминается он надолго.

А как обстоит дело в домах, что предлагаются для XXI века? Кухня в них – самое дальнее от входа поме-

щение. В одном варианте дома-победителя общее жилое пространство разрезано лестницей, в другом кухня удалена в закуток за туалетами, да еще без естественного света. Нормально поесть, а тем более собраться всей семье практически негде. Не зря один американский архитектор утверждал, что легко построить дом, в котором семья вскоре распадется...

Посмотрим теперь, как освещается изба внутри. Основное помещение выходит окнами на главный фасад, как правило – на солнечную сторону. Окна в боковой стене освещают зону у печи. Через них хозяйка видела вход, улицу, детей, играющих у крыльца. Солнце старались подольше «задержать» в избе, зимой дома пряли, чинили сети, занимались поделками. Освещенность в сибирских избах приближается к показателю 1:8, это близко к нашим нормам. Но свет распределен равномернее, при угловом освещении нет глухих теней, нет темных простенков. Меньше скапливается темнота в углах, их закругляли специальным топором, дополнительно защищая от промерзания и сырости. Мебель, утварь, люди, находящиеся внутри, в интерьере избы, особенно в зоне «красного угла», как бы облекались световыми лучами с разных сторон. Это усиливало восприятие домового пространства как основной сферы обитания семьи.

При угловом размещении окон в течение дня, особенно утром и вечером, когда свет с разных сторон меняется, возникает особое ощущение «окружения» избы внешним пространством. Массивные бревна стен, балки потолка, соизмеримые с наружными просторами, усиливают это впечатление. Изба, сфера обитания семьи становится центром окружающего мира. Современный архитектор также пытается связать интерьеры с окружением – обильным, зачастую излишним у нас остеклением, большим числом бал-

Дом из деревни Выхино 30–40 годы XIX века

Дом Елизарова. Карелия. XIX век

конных дверей, продолжением наружу мощения, соединяя комнаты с частью участка. А при угловом, даже незначительном, освещении все наружное пространство в нашем воображении облегает жилье как композиционный центр мироздания.

Идея центрированной жилой сферы прочитывается также в решении потолка. В курных избах, а их строили вплоть до XX века, потолок для сбора дыма устраивался в форме свода (потом дым выпускали через дымоход или он «выволакивался» через дымоволочное окошко). Ощущение глубины перекрытия над головой сохра-

Жилой дом с сенями в двух уровнях. Село Типиницы. Карелия. XIX век

нилось и при топке «по-белому» благодаря пластике массивной матицы. Недаром Сергей Есенин уподоблял ее Млечному Пути, потолок называл сводом небесным, а красный угол – зарей. Символика свода, балок, резных орнаментов уточняет древнейшую исходную идею жилища как Храма, созданного человеком, – модели мира наружного, сотворенного Богом, со сводом-небом над головой и очагом посреди. «Изба – святилище земли/ с запечной тайною и раем» (Н.Клюев). В очерке-эссе «Ключи Марии» [9] (1918) Сергей Есенин пишет о «храме-избе, совершающем литургию миру и человеку...», о «мудрости избяных заповедей» [10]. Цельное одухотворенное жилое пространство – с этого ядра композиции начинается архитектура жилища.

Уже отмечено, что отдельные части дома, взаимодействуя с главным жилым пространством, решаются как самостоятельные, самоценные образования. Обратим особое внимание на входную зону. Середину трехчастной постройки занимали сени, к ним примыкало крыльцо, обычно сбоку от главного фасада. Вход удобно связывался и с улицей и с огородом. На крыльце отдыхали взрослые, играли дети, сюда торжественно поднимались гости, это был серьезный ритуал. «Ты позволь-косе, хозяин, до двора дойти, до ворот дойти – на красно крыльцо зайти. На красно крыльцо зайти – за колючку взять, ворота отворить – по новым сеням пройти. По новым сеням пройти – в нову горницу зайти, прянь матицы встать – Виноградие спеть» [11].

Обжитое пространство крыльца выделялось тонкой резьбой подзоров, стоек, рисунком ограждений. В контрасте с бревнами стен все это отчеркивало его условные границы. Так складывалась архитектурная тема входа – своеобразной увертюры к восприятию внутренних пространств.

Взаимодействие дома и входной части как самоценных частей совсем не противоречит композиции современного жилища. Так, в работе Мис ван дер Роэ – в стеклянном доме Фарнсворт открытая входная

плита-терраса подчеркнута отделена от здания, приподнята над землей, представлена самостоятельным композиционным элементом. В новом прочтении – та же тема: входная часть дома как «полпред» внутреннего пространства. Увы, для домов XXI века подобные решения не предлагались...

Естественно сложившийся, наиболее распространенный прием размещения крыльца дал много преимуществ. Стало возможным обратить оконный фронт общего жилого пространства в сторону солнца, озера, реки, к общинному пространству улицы. При подходе с угла небольшой объем избы воспринимается цельно, «в три четверти», а детали фасадов – в объемных ракурсах. Сначала обзреваем дом, затем крыльцо. Если вход устраивали «в лоб», посреди главного фасада (ныне самый частый прием), крыльцо будет накладываться на дом, глубина его при лобовом подходе ощущается слабо, а внутренний объем разваливается. Такое решение выгодно лишь при значительно больших габаритах и совершенно другой, дворцовой организации здания.

Крыльцо связывается с избой по принципу ансамбля: в сопоставлении дополняя друг друга, каждая своей особенностью, самоценностью выявляет, усиливает особенность другой, рождая в целом новое качество.

Проходя по деревенской улице, можно заметить, что застройка не замыкает ее. Массивы изб с нацеленными на дорогу коньками чередуются с дальними просветами – до

реки, леса, до горизонта. Снова контрастное сопоставление линии застройки и глубины просветов, массы и пространства, оси улицы и поперечных осей жилья. В самой структуре избы заложена возможность для композиционной связи с другими домами, с природным окружением. Не потому ли сложнее объединить современные дома, если в них не выделено жилое ядро, вход устроен «в лоб», а оси зданий ориентированы вдоль улицы.

Тема главного жилого пространства определяет и решение фасадов. Оно зрительно выявляется поясом нарядных окон, отчеркнутых сложной резьбой. Контраст наличников с массой бревен усиливается динамикой самой стены – в контрасте стеновой плоскости и объемных округлых бревен, ее составляющих. Пол избы поднимали над подклетом – «подизбицей» – повыше, подальше от снега, от сырости, поэтому окна как бы парят над землей. Идея свода-неба уточняется в резьбе подзоров, лобовых досок – причелин, полотенца на стыке их у конька. А сам «...на кровле конек /есть знак молчаливый, что путь наш далек» (Н.Клюев) [12]. Украшенность, возрастающая с высотой, к фронтоны и кровле, усиливает чувство легкости, воспарения. Отсюда известное правило – «красота в верхах» – в небе, в освобожденном от тяжести воздушном пространстве. Иван Егорович Забелин, известный знаток русской старины, писал: «...по понятиям древности первая красота здания заключается в его покрытии, в

Единый принцип композиции от хозяйственных построек до ансамбля в Кижях

Жилье на высоком подклете, широкий взвоз ведет на повесть. Жилой дом. Архангельская обл. XIX век

его кровле» [13]. По такому принципу создавалось все богатство завершений деревянных построек, от амбаров и навесов до ансамбля в Кижах.

В деревянном народном зодчестве нет разделения на решения только функциональные и только эстетические, все «украсы» рациональны, не противостоят разумному использованию объекта сотворения, природным особенностям материала, «работе» его в архитектурно-конструктивной структуре жилья. Известный исследователь деревянного зодчества Д.Милеев в начале 20 века отмечал: «Трудно себе представить, не видев, уютную прелесть старинной крестьянской избы Русского Севера. Как здесь все цельно, просто, лишено вычурности, как все высокохудожественно, стильно, красиво» [14]. Недаром Василий Белов своим «Очеркам о народной эстетике» дал краткое, но емкое название – «ЛАД». Гармоничная и в то же время ясная тектоническая логика характерна не только для общей композиции, но и для всех ее элементов. Так, древнейшие геометрические прорезные орнаменты сосредоточены на деталях навесных: на наличниках, лобовых досках, подзорах. Они не только детализируют общий сакральный образ жилья и несут эстетическую функцию, (что в прошлом, как уже сказано, не разделялось), но еще уменьшают массу навесной детали, усиливают стекание влаги с нее, про-

Коньки изб нацелены на дорогу. Жилые дома XIX века. Костромская обл.

ветривание стены под глубоким свесом (за счет чередования световых пятен и затененных мест), усиливают жесткость резной доски. Или, например, «шелом» или «охлупень» – огромное многопудовое бревно с вырезанным на торце коньком. Оно не только венчает фасад, но и нагружает всю деревянную конструкцию крыши, делая ее пространственно более жесткой, более устойчивой.

Природное чувство целостности формы, характерное для народного зодчества, в немалой степени утрачено сегодня, несмотря на научные исследования композиции, высшее архитектурное образование и пр. Например, простой плотник прошлых веков – тот, кто создал избу – никак не мог бы в срубе, симметрично покрытом двускатной кровлей, углубить половину главного фасада, вставить туда террасу, как это часто делают сегодня. Ведь фасад – это «чело» дома, недаром лобовые доски зовутся «причинами». Так представим человека, у которого одна половина лица вместе с глазом углублена по сравнению с половиной другой. Авторы подобной хирургии, дипломированные зодчие, даже не задумываются, что за композиция получилась.

Отработанный общий стереотип жилья обеспечивал высокий уровень архитектурного решения, оно не зависело от размеров избы, числа украшений, богатства хозяина. Единая композиция прочитывается и в избышке старушки – бобылки, в два окошка на фасаде, и в огромном доме-дворце Ошевнева. Одаренный традицию развивал, прибавляя новое, свое, другой просто на нее опирался, сохраняя наработанное поколениями качество. Так же складывались народные песни, былины, вообще фольклор. В то же время общая идея не имела конечного выражения, каждый мастер воплощал ее в меру своей индивидуальности, да и просто по настроению, и тогда к типовой структуре прибавлялся столь необходимый в искусстве элемент – случайность. Именно поэтому избы Русского Севера, произведения коллективного мастерства, вроде бы все на одно лицо, – и все неповторимы, как и человеческие лица.

Нет в деревянном зодчестве и разделения на архитектуру столичную и, классом пониже, провинциальную. Конечно, различия есть, особенно ближе к югу, но скорее в силу природных и исторических факторов. Нередко там использовали другие стройматериалы. К тому же Русский Север не испытывал частых разорений от набегов южных соседей, поэтому и сложились благоприятные условия для сохранения традиций, сыгравшие столь значительную роль в общем развитии. Игорь Грабарь писал, что «на Севере... были выработаны все те совершенные формы деревянного зодчества, которые в течение веков непрерывно влияли на всю совокупность русского искусства» [15]. Но отметим, что все художественные шедевры Русского

Севера – в сотнях верст от официальных культурных центров, на Онежском озере, на Северной Двине, у Белого моря. Александр Викторович Ополовников однажды в устной беседе [16] заметил, что «церковь Успения в Кондопоге (XVIII в.) – это альфа и омега деревянного зодчества», она строилась северными плотниками как прощальный аккорд, как последнее воплощение своего, народного творчества, отличного от господской архитектуры набравшего тогда силу столичного Петербурга.

Простота и разумность архитектурно-конструктивной структуры избы определили ее долгую жизнь. Изба отвечала тогдашней системе неразрывно связанных мировоззренческих, эстетических, этических и прочих представлений крестьянина. Архитекторы избы ответили на требования своего времени, и, как мы видим, ответили высокопрофессионально. В пространстве северного дома, в просторах его помещений, видов на озера, поля и леса вокруг невольно чувствуешь покой и гармонию – состояние того, кто здесь строил, хозяйствовал, жил, в ладу с природой и с самим собой. В широко известном в 1980-е годы романе Федора Абрамова «Дом» жители северной деревни пытаются спасти от распродажи по частям большой бревенчатый семейный дом с фамильным коньком на крыше. И старый крестьянин, укоряя того легковесного человека, что затеял распродажу, говорит ему: «Главный дом человек у себя в душе строит. И тот дом ни в огне не горит, ни в воде не тонет...» Так в романе постепенно отождествляется цельное и ясное строение этого деревянного дома с душевным строем его главных героев. Что же можно представить в душах ныне живущих, если судить о них по домам для XXI века – из проектов упомянутого конкурса?

Найдем ли мы тип жилища, который поможет сохранить сложившийся веками столь высокий социокультурный потенциал? Такой поиск подчас заменяется подражанием различным архитектурным решениям, разработанным для других природных регионов, в рамках других культур и даже цивилизаций. Есть ли оптимальные ответы даже на простые, казалось бы, вопросы: как в наших условиях надежно защитить сельский дом от холодов, удобно вести в нем хозяйство, собираться всей семьей. Дотягиваем ли мы в этой работе до профессионального уровня предшественников?

Сегодня необходимо выработать новый, современный тип сельского жилища, сохраняющий при этом достижения народного деревянного зодчества, годный для многообразного воплощения в пространстве России. Опыт «древделов» прошлого поможет: в архитектуре избы – уроки ремесла для нынешнего проектировщика.

Статья подготовлена по материалам работы, опубликованной автором в газете «Архитектура» в феврале 1984 г. и дополненной в сообщении на Между-

Дом из деревни Выхино 30–40 годы XIX века

народной научно-практической конференции «Культура дерева – дерево в культуре» в Ростове Великом в сентябре 2010 г., рисунки И. Павловой, фото автора.

Библиография

1. А. Буров «Об архитектуре», М., 1960.
2. Кондовый – ударение на первом слоге.
3. В. Даль. «Толковый словарь живого великорусского языка», Т.2, С.-Пб.-М., 1881.
4. Цит. По кн. М. Мильчик, Ю. Ушаков «Деревянная архитектура Русского Севера». Л., 1981.
5. Цит. по книге Б. Ланге Деревянный дом от мала до велика М., 1998.
6. В. Белов «Лад. Очерки о народной эстетике» М 1978.
7. Конкурс организован Фондом РЖС, НП НАМИКС и Союзом архитекторов России, см. <http://www.mks-mg.ru/rasp.html>
8. В. Астафьев. «Осенние грусти и радости». Собрание сочинений в пятнадцати томах. Тома 4, 5. Книга первая Красноярск 1997.
9. Мария на языке хлыстов... обозначает душу» (прим. С. Есенина).
10. Есенин С. А. «Ключи Марии». Полное собрание сочинений в 7 т. Том 5 М 1997.
11. См. пункт [5].
12. Цитата по очерку С. Есенина «Ключи Марии».
13. И. Забелин «Черты самобытности в древнерусском зодчестве». Русское искусство. М., 1900.
14. Цит. по изданию Б. Гнедовский «Архангельский музей-заповедник деревянного зодчества». М., 1978. Особенную целостность решений народного зодчества единодушно отмечают и современные исследователи – М. Мильчик, Е. Ополовникова, В. Орфинский, О. Севан, Ю. Ушаков и многие др.
15. И. Грабарь «История русского искусства т.1 М 1910.
16. Это А.В. Ополовников рассказывал мне на острове Кижи во время завершения реставрации церкви Воскрешения Лазаря в 1960-х годах.